

УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Вьюнов Валерий Николаевич, канд. филос. наук, доц.,
МАДИ, Россия, 125319, Москва, Ленинградский пр., 64, vavyunov57@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются важнейшие институты науки «Политология»: политическая система, политический и государственный режимы, демократия; анализируются основные тенденции государственно-политического развития стран бывшего СССР (опыт России вынесен за рамки данного исследования) в период становления независимых государств, опыт институирования политических систем за последние 30 лет. Автор статьи предпринял попытку дать общую характеристику типов политических режимов как участников СНГ, так и Украины, Грузии, государств Прибалтики; показываются особенности политического процесса бывших советских государств в реалиях начала XXI века. Политические режимы в большинстве постсоветских государств могут быть охарактеризованы как режимы начальной обратимой демократии, транзитные, гибридные, включающие признаки авторитарных, квазидемократических, националистических видов политики и господства, что в значительной степени затрудняет отнесение их к классическим типам классификации западных теорий политологии.

Ключевые слова: политическая система, советское государство, национальное государство, государственный режим, политический режим, правовое государство, демократия, авторитаризм, тоталитаризм, национализм, этнократия, клептократия, бюрократизм, авторитарная демократия, элитизм, гражданское общество.

POLITICAL REGIMES IN THE POST-SOVIET STATES

Vyunov Valery N., associate professor,
MADI, 64, Leningradsky Prosp., Moscow, 125319, Russia, vavyunov57@yandex.ru

Abstract. The article discusses the most important institutes of science "Political Science": the political system, political and state regimes, democracy; analyzes the main trends in the state-political development of the countries of the former USSR (Russia's experience is beyond the scope of this study) during the formation of independent states, the experience of the establishment of political systems over the past 30 years. The author of the article made an attempt to give a general description of the types of political regimes of both participants in the CIS, Ukraine, Georgia, and the Baltic states; features of the political process of the former

Soviet states in the realities of the beginning of the XXI century are shown. Political regimes in most post-Soviet states can be characterized as regimes of initial reversible democracy, transitional, hybrid, including signs of authoritarian, quasi-democratic, nationalistic types of politics and domination, which greatly complicates their classification as classical types of classification of Western political science theories.

Keywords: political system, Soviet state, national state, state regime, political regime, rule of law, democracy, authoritarianism, totalitarianism, nationalism, ethnocracy, kleptocracy, bureaucracy, authoritarian democracy, elitism, civil society.

Современные подходы к изучению политических систем и политических режимов

Современные политологи используют разные подходы к изучению политических систем общества XX – начала XXI века. Но обобщающей позицией различных ученых является выделение в политической системе ряда ее подсистем: институциональной, нормативно-регулятивной, коммуникативной, функциональной, культурной и подсистемы участия, а также их всесторонний анализ.

Политическая система – это тип взаимодействия субъектов политики и организации связей между ними, упорядочивающая, формализующая и организующая в некоторых границах политическую деятельность и политический процесс в обществе.

Политическую систему можно рассматривать и как особый способ производства политик, и средство выработки и реализации властных государственных общеобязательных решений, и способ легитимации политической власти, и механизм выявления и постановки актуальных проблем, и систему разработки и контроля исполнения решений.

Критериями типологии политических режимов выступают исторические формы, типы политических культур, типы господства, виды политического поведения и т. д. Поэтому можно выделить основные типы политических культур: народный (племенной), бюрократический, мобилизационный, согласительный. По характеру власти различают

следующие типы политических систем: демократический, авторитарный, тоталитарный и переходные формы между ними. Тоталитарные политические системы могут быть левозегалитаристскими (советский тип) или правонационалистическими (фашизм или национал-социализм). Демократический тип политической системы имеет различные формы проявления: либерально-демократическая, революционно-демократическая, социал-демократическая или авторитарно-демократическая. Отдельно следует выделить олигархические политические системы и их конкретные виды: традиционные, переходные, авторитарно-олигархические, консервативно-олигархические и модернистско-олигархические.

Французский политолог Ж. Блондель [9] рассматривал пять главных типов политических систем:

- либеральная демократия;
- коммунистическая;
- традиционная олигархия;
- авторитарные переходные;
- авторитарно-консервативные.

Предлагается и такой вариант классификации современных политических систем:

- англо-американский;
- континентально-европейский;
- тоталитарный;
- переходный.

С ведущим институтом политологии «политическая система» неразрывно связано такое важное понятие, как «политический режим».

Политический режим в самом общем виде – это совокупность методов осуществления политической власти. Его важнейшими составными частями выступают:

- тип политического господства и легитимности;
- степень реализации основных демократических прав и свобод личности;
- характер политической активности общественных слоев, степень участия граждан в общественно-политической жизни страны;
- основные способы формирования государственного аппарата;
- тип рекрутирования политической элиты;
- механизмы формулирования государственных решений;
- тип распределения компетенции в иерархии государственной власти;
- реальный правовой статус гражданина и роль права в жизни общества;
- наличие политического и идеологического плюрализма.

В современной политической науке сложилось несколько разных подходов к пониманию сущности политического режима.[4] Понятие «политический режим» получило распространение в западной политологии в конце XIX – начале XX века и продолжает оставаться объектом теоретических дискурсов. Традиционной является трактовка политического режима в качестве характеристики государственной власти по формальному источнику – верховенству политической воли отдельного лидера, элиты или аристократической группы или интересов, воли большинства населения, т. е. народа. Данный подход восходит к традиции, заложенной еще Аристотелем в его труде «Политика».

При рассмотрении сущности политического режима остановимся на некоторых определениях данного феномена. Американский политолог Г. Лассуэл политический режим определял как «тип политического порядка, тип государственного правления», что значительно сужает содержание данного феномена политической, а не только государственной жизни общества.

Известный французский политолог Р. Арон выделял такие элементы, составляющие политический режим:

- конституционные основы государства;
- способ функционирования системы власти;
- характер партийной системы страны;
- избирательная система;
- группы давления.

Следует особо подчеркнуть, что понятия «политический режим» и «государственный режим» являются однопорядковыми, но не равнозначными. [4]

Политический режим – категория существенно более широкая, поскольку включает не только характеристики государственно-властных институтов, но и отношений. К примеру: тип связи «элита – массы», тип легитимности режима, наличие обратной связи во властных взаимоотношениях, степень автономии негосударственных институтов, место и роль СМИ, место церкви, а также теневых структур в обществе, значение общественного мнения, типы политической культуры в обществе и динамика их развития и др. [2].

Проблема типологии политических режимов является дискуссионной в сравнительной политологии, потому что существуют группы критериев классификации, а многие модификации современных политических режимов трудно однозначно отнести к какому-то определенному главному типу. К тому же политические режимы – феномены динамичного политического процесса, которые находятся в постоянном изменении и развитии [3].

Общепринято выделять три главных типа политических режимов современности:

- демократический;
- авторитарный;

- тоталитарный.

Но каждый названный выше тип режима имеет несколько форм и очень много национально-исторических модификаций.

Рассмотренные выше основные типы необходимо дополнить моделями промежуточных, переходных форм политических режимов. Так, например, Л. Гордон выделяет для постсоветских режимов следующие формы: «полудемократические», «административная демократия», «корпоративная демократия», «этнократическая демократия» и др. Отмечается российскими политологами и то, что в ряде национальных республик России и в некоторых государствах СНГ (прежде всего азиатские республики, Азербайджан) в начале 2000-х годов усилились авторитаристские и этнократические тенденции, демократические нормы и институты носят в основном имитационный, чисто декларативный характер. Для многих постсоветских режимов типичны:

- утверждение доминирующего фактора, отсутствие реального разделения властей;
- преобладание неформальных институтов;
- отсутствие общественного контроля;
- имитация выборов и искажение их результатов;
- доминирование исполнительной власти, парламент лишь юридически оформляет уже принятые решения;
- полный контроль над местными СМИ.

В западной политологии утвердилось понятие «гибридные режимы», куда относят режимы «демократия без либерализма», «либерализм без демократии», «выборы без демократии» и др. Существенную роль при переходе многих стран к демократии через промежуточные формы играют такие факторы, как исторический опыт страны, типы предшествующей демократии и господствующей политической культуры граждан, конкретная форма господствующего авторитарного режима, внешние

факторы, тип взаимосвязи элит страны.

Общими причинами и факторами, сдерживающими процесс демократизации в странах СНГ, являются: отсутствие развитых институтов гражданского общества, низкая политическая и правовая культура населения, слабая структуризация общества, маргинализация значительных групп населения, монополизация основных ресурсов страны правящими кланами, низкая степень мобильности граждан, отсутствие развитых рыночных форм и отношений, сильные авторитаристские традиции, негативное влияние внешних факторов и др. В ряде бывших республик в 1990-е годы резко обострились межэтнические и конфессиональные противоречия, пограничные споры и соперничество за основные ресурсы [1].

Актуальным является и проблема легитимности режимов власти в постсоветских странах. Еще известный американский политолог Д. Истон определял значение легитимности как значимого признака каждого государственного института. Доверие граждан к институтам власти, их поддержка правительства и правящего класса свидетельствуют об определенном признании правящего режима. Такая легитимация крайне необходима для деятельности как авторитарной, так и демократической политических систем. Даже при авторитарном государственном лидере в обществе могут частично утверждаться демократические права, принципы и институты (в революционных хунтах), сам авторитаризм способен частично и постепенно легитимизироваться. При изучении проблемы легитимации власти важно оценить работы Ю. Хабермаса, Д. Хелда и других ученых Запада, выделивших ряд форм согласия, на которых базируется принятие власти гражданами: подчинение приказу или следование какому-либо принуждению; одобрение по установившейся традиции или по привычке; апатичное принятие существующего порядка;

«прагматическое согласие»; «инструментальное согласие»; нормативное согласие.

Кризис легитимности власти политического субъекта

Кризис легитимности власти – это кризис субъекта в проведении своей линии в рамках принятых демократических норм и процедур с целью достижения адекватного поведения объектов политического воздействия и манипулирования. Данный субъект власти уже не способен в рамках законов отвечать острым вызовам и рискам сложных ситуаций, определять главные тенденции политического процесса, разрешать противоречия правовыми инструментами. Таким образом, этот политический субъект теряет свой статус и различные объекты властного воздействия уже вне его поля действия. Власть уже не способна адекватно отвечать требованиям принятия решений и их трансляции на общество. «Если посмотреть на изменения последнего десятилетия, нетрудно заметить, что темп жизни убыстряется настолько, что иногда зашкаливает, а время уплотняется. Иногда кажется, что это можно объяснить симптомом взросления человека и человечества в целом» [10]. Но если обратиться к проблемам кризиса легитимности власти, то становится видно, что политическая власть явно не успевает за потребностями общества и его различных групп в репрезентациях.

В виде общих типов кризиса легитимности власти можно выделять правительственный, парламентский и конституционный кризисы [5].

Например, правительственный кризис инициируется экономическими предпосылками. Правительство вынуждено резко сокращать бюджетные расходы, повышать налоги, девальвировать национальную валюту, ограничивать импорт, сокращать дотации и реальные доходы населения. Отсутствие активного гражданского дискурса, каких-либо конкурирующих между собой проектов и программ

модернизации экономики, общая стагнация только усиливают недоверие к институту власти со стороны источников легитимности.

В 1990-е годы в постсоветских государствах процесс национального строительства подразумевал прежде всего полную ликвидацию базисной союзной субнациональной идентификации и замену ее преданностью новой «суверенной нации». Данная новая ситуация в СНГ в значительной мере определяла тенденции процесса легитимации новой государственной власти в обществах СНГ. Практически во всех постсоветских обществах абсолютным, доминирующим источником мобилизации общества и элит, главных ресурсов и генератором новых символов и ценностей, необходимых для глубокой системной трансформации, модернизации и достижения суверенной государственной идентичности, стала именно национальная традиция и традиционная же геополитическая ориентация, усиление этнократических тенденций. Кризис и распад Союза послужили для них импульсом и механизмом процессов перехода к преимущественно национально-этническим формам социальной и политической консолидации. Поэтому новые лидеры этих государств стремились к новой национальной идентичности. Формирование таких национальных движений, как «Латвийский путь», «Саюдис» и др., и их значительный авторитет в республиках; политическая легитимация лидеров радикальных Народных фронтов в Закавказье: в Грузии – З. Гамсахурдия, в Азербайджане – А.Эльчибея, в Армении – Л. Тер-Петросяна; движений «Бирлик» и политической партии «Эрк» в Узбекистане, панукраинского «Рух» с идеями УПА В. Чорновила являются конкретными доказательствами этого феномена. В РФ в 1993 году партия ЛДПР с панславянской идеологической платформой добилась на выборах в Государственную думу РФ максимальной поддержки. В начале 1990-х значительно влияние ряда националистических и праворадикальных организаций с претензиями на политическую легитимацию (РНЕ А.

Баркашова, «Память»), что говорит о востребованности у части российского общества соответствующих идей и ценностей.

В республиках Закавказья (Грузии и Азербайджане) авторитарные президентские режимы возникают в результате вооруженных переворотов, завершивших период правления «революционных» президентов – лидеров националистических Народных фронтов Гамсахурдии и Эльчибея и приведших к власти бывших советских руководителей этих союзных республик Э. Шеварднадзе и Г. Алиева. В Средней Азии, например в Таджикистане, бывший партийный номенклатурщик Рахмонов приходит к власти после кровопролитной гражданской войны. Политические режимы Кучмы в Украине и Лукашенко в Белоруссии возникают после первой мирной и демократической ротации государственной власти. Но за последние 25 лет в странах СНГ в целом было не более 15 примеров конституционного перехода власти к оппозиции (по пять в Молдове и Украине). Некоторые лидеры азиатских республик СНГ были у власти по 25–30 лет, как, например, Н. Назарбаев.

Типология форм посткоммунистических политических транзитов требует дальнейшего творческого дискурса и анализа, практика транзитов и в 2000-х годах открыла немало новых нюансов. Американский политолог Л. Даймонд, к примеру, выделил шесть гибридных типов:

- страны Балтии (Латвия, Литва и Эстония) могут условно и формально относиться к либеральным демократиям;
- Молдова представляет собой электоральную демократию (конструктивная легитимность);
- Армения, Грузия и Украина – амбивалентные режимы (конструктивная легитимность);
- Белоруссия и Россия – режимы условно конкурентного авторитаризма;

- Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан – авторитарные клановые режимы;
- Узбекистан принадлежат к группе стран с гегемонистским электоральным авторитаризмом (параллельно-персонифицированная легитимность);
- Туркменистан относится к политически закрытому авторитаризму (параллельно-персонифицированная легитимность).

Если определить критерием типологии степень консолидации демократии и такие ее элементы, как реальность и плюрализм выборов, тип смены власти, разделение властей государства и степень демократизма политики государства, то условно можно выделить подгруппы:

- формально либерально-демократические государства (с сильным правонационалистическим уклоном внутренней и несамостоятельной внешней политикой) – страны Балтии;
- патронажные режимы (азиатские страны СНГ, Азербайджан);
- олигархические режимы (доминировали в Украине и Молдове до 2019 года, в Армении до 2018 года);
- авторитарные режимы (Беларусь).

Патронажное государство есть некоторый результат развития постсоветской правящей номенклатуры в условиях формирующихся рыночных механизмов с сильным клептократическим ресурсом при полном снятии какой-либо ответственности, обязательств перед обществом. Патронажно-клиентелистские отношения во власти как способ господства номенклатуры и патерналистски настроенные значительные группы населения формируют неопатримониальное государство, что отодвигает процесс генезиса структур гражданского общества и сил, которые выступали бы за переход к договорному демократическому государству,

основанному на взаимных обязательствах государства и формирующегося гражданского общества, где власть ответственна перед ним и подконтрольна ему. Так вместо гражданского современного общества консервируются элементы примитивного общества потребления. Номенклатура активно участвовала как в приватизации государственной собственности, так и самой власти. В Украине «олигархи» и высшая государственная бюрократия выступали скорее как партнеры. В Армении государственная власть сама активна в крупном бизнесе, до смены власти весной 2018 года главной чертой режима была клептократическая составляющая.

Уникальная ситуация в 2010-е годы сложилась в Молдове с ее новыми демократическими институтами: здесь местные нувориши сами стали властью во главе с олигархом В. Плахотнюком, но в 2019 году сменился парламент и правительство страны, президент И. Додон проводит политику по утверждению демократических институтов, норм и механизмов, демонополизации и ограничению местной олигархии. В Грузии клановый режим Э. Шеварднадзе (1992–2003 годы) в ходе «революции роз» был свергнут и к власти пришел М. Саакашвили, проводивший целый ряд значительных реформ: дебюрократизация власти, приватизация госсобственности, либерализация законодательства, наступление на криминалитет. В Украине все постсоветские годы господствовал олигархический режим, невзирая на самые разные персоналии. Чертами власти в Украине были: реальный политический плюрализм при утверждении в последние годы откровенно националистической и прозападной политики, главные субъекты политики – промышленно-финансовые группы, олигархи, новые чиновники и идеологизированные политические партии, жесткая конкуренция главных групп, минимальное участие общества в политическом процессе, отсутствие «обратной связи».

С самого начала 2000-х годов в Украине постепенно доминируют правонационалистические идеологические концепции, массовые взгляды и политические организации (как, например, «Свобода», УНСО), созданные при прямой помощи западных спецслужб, Госдепа США и эмигрантских пронацистских организаций в США и Канаде. К 2015 году такие структуры и идеологические ценности стали доминировать в политическом процессе страны. Олигархические режимы первых 25 лет постсоветской Украины усугубили проблемы во всех сферах деятельности государства и жизни общества и граждан: клептократия, бюрократизация, коррупция, неэффективность управления, стагнация экономики и снижение занятости населения, трудовая эмиграция на Запад и в РФ, обнищание народа, рост криминальной угрозы обществу. Победа на президентских выборах 2019 года практически виртуального «лидера» В. Зеленского («звезды» КВН) и его партии «Слуга народа» на выборах в Раду летом 2019 года, а также значительный успех нового движения «Оппозиционная платформа – За жизнь» (около 10 % мест), прежде всего, отражают надежды граждан на демократические системные перемены, ограничение олигархии и бюрократии, справедливое распределение бюджета и др. Время покажет, реальны ли планы нового руководства Украины по радикальному изменению режима, системы управления, рекрутированию чиновничества. Смогут ли новые выдвиженцы В. Зеленского стать эффективными государственными менеджерами нового типа, дистанцироваться от олигархии и националистов, «партии войны» и западных кураторов, ограничить коррупцию и бюрократизацию государства, реально повернуться к проблемам общества и граждан, найти формат решения проблем Востока страны.

В России, Казахстане, Кыргызстане, напротив, государство заняло командные позиции по отношению к бизнесу.

Западные политологи Т. Карл и Ф. Шмиттер оценивали практики политических транзитов в СНГ в виде «аномальной политики», которую чрезвычайно сложно концептуализировать, т. к. процессы протекают «в условиях, когда события внезапны, нетипичны, идентичности поколебимы, институты не функционируют, поддержку невозможно просчитать, выбор поспешен, а часто случаен и риски неизбежны и от них нельзя застраховаться». Поэтому политологи предложили типологию транзитов: пактовые, навязанные, революционные (радикальные) и реформистские. Именно радикальным был процесс смены власти в 2014 году в Украине и Кыргызстане. В 2006 году к группе транзитных или гибридных режимов относились: Украина, Грузия и Молдова. Прибалтийские государства как модели гибридных режимов квазидемократического типа сохранили свою классификацию в течение 2000–2010 годов. В группу полуконсолидированных авторитарных режимов вошли Армения, Кыргызстан, Таджикистан и Азербайджан. Наконец, полностью консолидированными авторитарными режимами определены Казахстан, Белоруссия, Узбекистан и Туркменистан. Авторитаризм имеет много модификаций, в том числе и неоавторитаризм. Последний тип режима не отрицает демократические права, свободы и ценности, стремится по возможности сократить применение насилия (особо в массовых формах, за исключением случаев, когда возникает угроза стабильности страны или утрата власти). Через контролируемые каналы СМИ власть активно использует массовую пропаганду для идеологической и психологической обработки населения и управления итогами выборных кампаний. Численно преобладают персоналистские режимы (Белоруссия, Казахстан до 2019 года, Узбекистан, Туркменистан) и типологически близкие к ним семейно-клановые (Азербайджан, Таджикистан) [7].

Ряд политологов делят постсоветские режимы по носителю верховной власти государства: авторитарно-президентские, президентские,

движущиеся к президентско-парламентской модели (Грузия, Армения, Молдова, Украина), парламентско-президентские (Молдова).

В заключение следует подчеркнуть, что трудности формирования демократических государственных режимов в постсоветских странах имеют много объективных причин:

- У ряда народов отсутствовал собственный исторический опыт формирования современных государственных институтов.
- Негативно наложились последствия быстрого перехода к рыночным механизмам, когда значительные группы населения были отсечены от ресурсов, сформировались кланы и олигархические группы, монополизировавшие свой новый статус и потенциал.
- Новые государства и правящие элиты, зачастую формально принимая демократические нормы и принципы, реально были неспособны их реализовать.
- Авторитаристские традиции и нормы, сложившиеся в советской номенклатуре, предопределили локализацию общества, его подчинение новой национальной элите.

Список литературы

1. Болезни роста демократии в СНГ. – URL: http://www.ng.ru/courier/2007-05-28/18_sng.html (дата обращения 25.02.2020).
2. Кудрявцев, Ю.А. Государственные режимы / Ю.А. Кудрявцев – М.: Юридический центр, 2015. – 395 с.
3. Нисневич, Ю.А. Постсоветский авторитаризм / Ю.А. Нисневич, А.В. Рябов, // Общественные науки и современность. – 2017. – № 4. – С. 84–97.
4. Политический (государственный режим): понятие, признаки, классификация. – URL: <https://helpiks.org/3-9384.html> (дата обращения 05.03.2020).
5. Скиперских, А.В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – URL: <http://window.edu.ru/resource/163/71163/files/elsu63.pdf>
6. Скорик, А.П. Государственный режим как научная категория теории государства и права / А.П. Скорик, А.А. Невесёлов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2018. – № 3.

7. Фурман, Д.Е. Эволюция политических систем СНГ. – URL: <http://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/03/medetblack111.pdf> (дата обращения 24.02.2020).
8. Шереметьева, В.А. «Государственный режим»: проблемы теории и типологии // В.А. Шереметьева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 2.
9. Блондель, Ж. Политическое лидерство. / Ж. Блондель // Путь к всеобъемлющему анализу. – М.: РАУ, 1992. - 136 с
10. Косолапова, Е.А. За гранью будущего / Е.А. Косолапова, // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. – 2019. – № 2(20)

References

1. URL: http://www.ng.ru/courier/2007-05-28/18_sng.html
2. Kudryavtsev, Yu.A. *Gosudarstvennyye rezhimy* (State regimes), Moscow, Yuridicheskiy tsentr, 2015, 395 p.
3. Nisnevich Yu.A., Ryabov A.V. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2017, no. 4. - pp. 84–97.
4. URL: <https://helpiks.org/3-9384.html>
5. Skiperskih A.V. URL: <http://window.edu.ru/resource/163/71163/files/elsu63.pdf>
6. Skorik, A.P., Nevesyolov, A.A. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2018, no. 3.
7. Furman, D.E. URL: <http://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/03/medetblack111.pdf>
8. Sheremeteva V.A. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye*, 2011, no. 2.
9. Blondel J. *Put' k vseob'yemlyushchemu analizu*, Moscow, RAU, 1992, 136 p.
10. Kosolapova E.A. *Avtomobil'. Doroga. Infrastruktura.*, 2019, no. 2 (20)

Рецензент: М.Г. Штракс, канд. филос. наук, проф., МАДИ